

Глава 433: Солнце в весеннем дожде

Постепенно, в компании утреннего света, люди начали выходить из Мавзолея Книг. Большинство из них было людьми, которые попали в три баннера Великого Испытания, проведенного в этом году в начале весны. Так что, естественно, для этих людей было невозможно не узнать Чэнь Чаншэна. Все они были удивлены, и один за другим начали показывать дань уважения. В ту ночь спускающегося света звезд, у бесчисленных изучающих монолиты был прорыв, и несколько десятков фейерверков расцвело над Мавзолеем Книг. Какое бы впечатление не было у этих людей о Чэнь Чаншэне, все они были должны выразить свои благодарности.

Чэнь Чаншэн вернул их приветствия, а затем направил свой взгляд, чтобы посмотреть в Мавзолей Книг.

Когда прошло какое-то время, наконец-то вышел Танг Тридцать Шесть. Его волосы были растрепанными, а все его тело воняло. Вся его дорогая одежда была в пятнах, и он нес постельные принадлежности на плече, а также ту шкуру, чей изначальный цвет был совершенно неузнаваемым. Он вовсе не казался элегантным сыном дворянина, которого любили бесчисленные женщины. Он скорее был подобен попрошайке, который только что вышел из разрушенного поместья с имуществом сомнительной стоимости.

Но наибольшим изменением было не это, это были его глаза.

Его глаза были очень яркими.

Ранее его глаза тоже были очень яркими, но это был вид ясного света. Свет в его глазах все еще был ясным, но казалось, что там появилась острота, которую не могло скрыть это грязное ощущение.

«Я почти не смог узнать, что это был ты», - сказал ему Чэнь Чаншэн.

«Более статный?» - подобные мечам брови Танга Тридцать Шесть немного приподнялись с неопишуемым чувством фривольности.

Чэнь Чаншэн подумал про себя: 'Как и ожидалось, такого тебя гораздо проще узнать'. Он покачал головой и сказал: «Более грязный».

Когда он говорил, он очень естественно и почти незаметно сделал шаг назад, став чуть дальше от Танга Тридцать Шесть.

Танг Тридцать Шесть передал простыни и шкуру, которые он нес, Сюаньюань По, а затем сердечно рассмеялся и заключил Чэнь Чаншэна в объятия.

Сюаньюань По посмотрел на грязные и вонючие простыни и кожу в руках, его лицо было картиной беспомощности.

На лице Чэнь Чаншэна не было видно беспомощности, потому что он с помощью своих рук прикрывал свое лицо, не давая себе вдыхать или касаться этих грязных объектов.

Танг Тридцать Шесть отпустил его и удовлетворенно спросил: «Ты видишь во мне какие-то изменения?»

Чэнь Чаншэн очень внимательно осмотрел его от головы до пят, а затем спросил: «Клан

Вэньшуй отсек тебя, и ты начинаешь свою новую жизнь независимого человека?»

Танг Тридцать Шесть спросил: «Откуда пришли эти слова?»

Чэнь Чаншэн указал на простыни в руках Сюаньюань По и сказал: «Если бы это был Танг Танг прошлого, как бы он мог вынести простыни, которые Сэр Сюнь использовал несколько десятилетий?»

«Ты ничего не понимаешь. Это что-то, чтобы я мог помнить».

Чэнь Чаншэн подумал про себя: 'И что же ты собираешься помнить?'

«Помнить время, которое мы провели в Мавзолее Книг, изучая монолиты и познавая Дао».

Танг Тридцать Шесть обернулся и посмотрел на зеленую гору мавзолея. Он сентиментально сказал: «Для таких людей, как вы, ребята, кто искал сокровища Сада Чжоу и не завершил свое время изучения монолитов, каких слов будет достаточно, чтобы описать это?»

Чэнь Чаншэн не знал, как и ответить на это. Он сказал: «Похоже, что твое время в Мавзолее Книг не было плохим».

Танг Тридцать Шесть ответил: «Его можно считать приемлемым. Несколько дней назад я еле-еле смог протолкнуться к верхнему уровню Неземного Открытия».

Когда он говорил 'верхний уровень Неземного Открытия', выражение его лица было намеренно очень пустым, а его тон был нейтральным, но как Чэнь Чаншэн, так и Сюаньюань По могли видеть его гордость.

Чэнь вспомнил, что когда он покидал Мавзолей Книг, Танг Тридцать Шесть лишь прорвался в Неземное Открытие. Не прошло даже несколько месяцев, но он уже прорвался через два предела и достиг верхнего уровня Неземного Открытия. Он действительно мог гордиться собой, но Чэнь Чаншэн подумал про себя, что, учитывая характер этого парня, для него было совершенно невозможно сохранять такое поведение до конца. Как и ожидалось, в следующий миг Танг Тридцать Шесть сбросил свою маскировку и повернулся к Чэнь Чаншэну с ослепительной улыбкой: «Вы, парни, даже не знаете, что я невзначай учил Гуань Фэйбая, как вести себя, в мое свободное время».

Достичь прорывов в культивации было невероятно трудной задачей, а прорваться через три предела в такое короткое время было еще более невообразимым. Было легко понять радость Танга Тридцать Шесть, но для Чэнь Чаншэна было действительно трудно радоваться вместе с ним. Видя спокойное лицо Чэня, Танг Тридцать Шесть вспомнил, что его хорошая удача в этом периоде изучения монолитов в Мавзолее Книг была связана с ночью, в которую Чэнь Чаншэн наполнил ночь светом звезд. Он был немного смущен, так что сказал: «Конечно же, я должен поблагодарить тебя за это, но в конечном итоге, причина этого в том, что мой талант - достаточно высокий».

Чэнь Чаншэн дал относительно объективное заключение: «Это произошло преимущественно потому, что после твоего поступления в Ортодоксальную Академию ты перестал лодырничать».

Это также был довод, сделанный старейшиной несравненного интеллекта из Павильона Предсказания, который сказал об этом, когда озвучивал Провозглашение Лазурных Облаков.

Танг Тридцать Шесть нашел невозможным ответить на это. Он лишь мог сказать: «Ты не

собираешься поздравить меня?»

«Мои поздравления, - Чэнь Чаншэн сказал это без малейшей искренности, затем повернулся к Мавзолею Книг и в замешательстве спросил, - что насчет Гоу Ханьши и других? Почему они еще не вышли?»

Лян Сяосяо и Ци Цзянь покинули Мавзолей Книг заранее, чтобы войти в Сад Чжоу. Из учеников Горы Ли, Гоу Ханьши, Гуань Фэйбай и Лян Баньху сделали тот же выбор, что и Танг Тридцать Шесть, продолжая оставаться в Мавзолее Книг для изучения монолитов и познания Дао. Хотя Ортодоксия не предъявляла требований, когда люди должны покидать Мавзолей Книг, и не было установленного правила, по суждениям Чэнь Чаншэна, так как многие люди завершили их просмотр монолитов, они тоже должны выходить. Но глядя туда так долго, он все еще не увидел фигуры тех троих.

Танг Тридцать Шесть объяснил: «Изначально мы договорились выйти из Мавзолея Книг месте, но какое-то важное дело произошло в Горе Ли, так что они ушли прошлой ночью».

Чэнь Чаншэн подумал и понял, в чем было дело.

Видя выражение его лица, Танг Тридцать Шесть спросил другим тоном: «Ты знаешь, что произошло в Горе Ли?»

Чэнь подтвердил. Он, естественно, знал, что что-то большое произошло в Горе Ли.

Если бы это не было такой серьезной проблемой, никто не потревожил бы познающих монолиты в Мавзолее Книг. Танг Тридцать Шесть был весьма ошеломлен и спросил: «Что случилось?»

Чэнь Чаншэн показал Сюаньюань По, чтобы тот бросил вонючие простыни и меховую шкуру в повозку, а затем сказал Тангу Тридцать Шесть: «Поговорим об этом после того, как вернемся».

Танг Тридцать Шесть вдруг вспомнил что-то. Он протянул руку в простыни и рылся там некоторое время. Достав письмо и записную книжку, он передал их Чэнь Чаншэну и сказал: «Гоу Ханьши хотел, чтобы я дал эти вещи тебе».

Чэнь Чаншэн узнал, что эта записная книжка была тем, что Сюнь Мэй оставил позади. Она однажды помогла ему идти гораздо более прямым путем, когда он рассматривал монолиты и познавал Дао, а также помогла тем молодым людям, с которыми он жил под одной крышей.

Письмо было тем, что Гоу Ханьши оставил позади, и его содержимое было очень обычным. Он сказал, что ему надо было покинуть столицу раньше времени, и они не могли встретиться, так что он лишь использует кисть, чтобы послать приветствие. Будущие дни были высокими, как горы, и длинными, как реки. Предположительно, наступит день, когда они встретятся вновь.

Танг Тридцать Шесть посмотрел на письмо и насмешливо сказал: «Наши друзья из Горы Ли все еще кажутся не убежденными».

Чэнь Чаншэн ответил: «Почему ты не можешь думать о людях более оптимистично? Гоу Ханьши, определенно, не имел намерений, о которых ты говоришь».

Танг Тридцать Шесть вдруг сказал: «Я слышал... ты - Директор Ортодоксальной Академии».

Сомневаясь некоторое время, Чэнь Чаншэн сказал: «Похоже... что да».

Слух был подтвержден, и Танг Тридцать Шесть затих. Затем он сказал Чэнь Чаншэну с сердечной искренностью: «Твоя личность и статус более не такие же - ты не можешь быть таким же ребяческим и наивным, как раньше».

Когда он говорил это, он похлопал Чэня по плечу.

Когда юноша посмотрел на грязную руку на своем плече, уголки его губ вытянулись. Однако, он ни о чем не спорил с Тангом Тридцать Шесть.

Это был смысл 'воды уже не так глубоки, когда увидишь море, облака теряют свой цвет, когда посетишь Гору У, а свет жемчужины размером с рисинку - ничто перед величием Ночной Жемчужины'. В этом деле даже Су Ли проигрывал ему, так что тут не о чем было хвалиться, если бы он тоже выиграл над этим парнем.

Вернувшись к Аллее Сотни Цветений, повозка остановилась. Видя всех священников Дворца Ли, поклоняющихся Чэнь Чаншэну, Танг Тридцать Шесть почувствовал себя не в своей тарелке. Он спрыгнул с повозки и направился к маленькому магазинчику у начала улицы.

Сюаньюань По оставался на повозке, возвращаясь в Ортодоксальную Академию перед ними с поношенными принадлежностями.

Чэнь Чаншэн следовал за Тангом Тридцать Шесть, глядя, как он покупает два ютяо и тарелку соевого молока, а затем ест их, направляясь к улице.

Это явно была самая простая и часто встречаемая еда, но Танг Тридцать Шесть ел их с удовольствием, а его голова качалась от удовольствия.

«У этого настолько хороший вкус?» - заинтересованно спросил Чэнь Чаншэн.

Танг Тридцать Шесть ответил: «Ты не знаешь, в Мавзолее Книг все в порядке, но еда просто отвратительна, особенно после того, как ты и Ци Цзянь ушли... разве может тот идиот Гуань Фэйбай готовить? Я даже начал вспоминать еду, которую делал Сюаньюань По, и даже начал думать, что еда в Ортодоксальной Академии была вкуснее, чем большое пиршество, которое подают в Ресторане Ясного Озера. Как ты думаешь, насколько жалким я был?»

Чэнь Чаншэн подумал, что это действительно было очень жалко, а когда он представил ту сцену высокомерного и безжалостного Гуань Фэйбая в том маленьком доме, который режет сушеное мясо и готовит зеленый перец, он покачал головой. Это было действительно трудно представить.

Танг Тридцать Шесть взял полкуска ютяо в руке, и промокнул его в не совсем белое соевое молоко. Он спросил: «Хочешь немного?»

Чэнь Чаншэн посмотрел на палец Танга Тридцать Шесть в соевом молоке, подумал о грязи, которая была под ногтем того пальца, и тут же замахал руками и сказал: «Нет надобности».

Танг Тридцать Шесть очень насмешливо сказал: «Ты знаешь, как жить?»

Чэнь Чаншэн беспомощно сказал: «Хотя я знаю, что ты сдерживался последние годы, ведя себя, как благородный сын, сейчас это твой настоящий темперамент... ты можешь не говорить так грубо? Слышать это действительно раздражительно для ушей».

Танг Тридцать Шесть принял его совет, а потом поднял миску, в которой было его соевое

молоко, и казалось, что предлагал ее небесам. Глядя на солнце, которое, как казалось, вот-вот будет скрыто облаками, он сказал: «Солнце».

Среди шуток и еды, двое вошли на Аллею Сотни Цветений и столкнулись лицом к лицу с Чжоу Цзыхэном, который стоял там и держал бумажный зонтик.

Внезапно солнце было полностью скрыто темными облаками. Начали падать капли дождя, опускаясь на тот бумажный зонтик, который, как казалось, даже не мог держаться против ветра.

Эта сцена была очень удивительной, и было слабое чувство, что работал какой-то неопишимо таинственный принцип.

Чжоу Цзыхэн, казалось, заранее приготовился к дождю. Это указывало на то, что он уже начал заглядывать в Дао небес и земли.

Но видя эту сцену, первое, о чем подумал Чэнь Чаншэн, было то, почему он не носил зонтик несколько дней назад, когда шел дождь. Вскоре после этого он вспомнил то письмо вызова - этот человек хотел представить Академию Жрецов в бросании вызова Ортодоксальной Академии.

Танга Тридцать Шесть еще меньше беспокоила эта сцена. Он не знал, кем был этот высокий и стройный мужчина, и он был довольно раздражен внезапным исчезновением солнца. Лишь потому, что он хранил в памяти слова Чэнь Чаншэна, он не говорил многое, лишь попросив: «Пожалуйста, дай мне пройти».

Сказав это, он начал идти вперед.

Чжоу Цзыхэн не уступал путь, как будто он даже не видел его.

В его глазах не было места для этого вонючего юноши в жалких одеждах.

Он посмотрел на Чэнь Чаншэна и сказал: «Ты закончил раздумывать?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Я подумал над этим. Я дам тебе ответ».

Чжоу Цзыхэн улыбнулся и сказал: «Может быть, ты планируешь раздумывать над этим до самого конца?»

Эта улыбка была крайне отгаликивающей, неся чувство сарказма и осмеяния.

Танг Тридцать Шесть замер. Для него было невозможно представить, что в Династии Великой Чжоу был кто-то, кто посмел бы стоять перед Ортодоксальной Академией и говорить с ним и Чэнь Чаншэном с подобным отношением.

«Кто это?» - он спросил Чэнь Чаншэна.

Чэнь Чаншэн сказал: «Чжоу Цзыхэн».

Танг Тридцать Шесть никогда не слышал этого имени ранее: «Чжоу Цзыхэн? Кто это?»

Чжоу Цзыхэн был раздражен, думая, что Чэнь Чаншэн и этот юноша-попрошайка намеренно использовали этот разговор, чтобы унижить его.

Танг Тридцать Шесть повернул тело и взглянул на Чжоу Цзыхэна, спрашивая: «Я сказал, кто ты вообще такой?»

Чжоу Цзыхэн бесстрастно сказал: «Чжоу Цзыхэн из Зала Покорения».

Танг Тридцать Шесть продолжил смотреть на него и спросил: «Ты очень известный?»

Чжоу Цзыхэн не знал, как ответить на этот вопрос.

«Непонятно».

Танг Тридцать Шесть посмотрел на него, как на идиота, а потом повернулся к Чэнь Чаншэну и сказал: «Ты должен осознавать свой текущий статус. Человек, о котором никто никогда не слышал, нет необходимости обращать на него внимания. Может ли он достать до тебя?»

Сказав это, он пронес соевое молоко и ютяо мимо Чжоу Цзыхэна, направляясь на улицу.

Чжоу Цзыхэн опустил голову и глубоко вдохнул.

Танг Тридцать Шесть прекратил свои шаги.

Дождь беспорядочно падал, а потом начал развеиваться, как листья ивы.

Чжоу Цзыхэн появился перед Тангом Тридцать Шесть, не давая ему двигаться вперед.

Аллея Сотни Цветений была в тишине.

Танг Тридцать Шесть посмотрел на него, а потом очень спокойно сказал пять слов:

«Эй, идиот, отодвинься в сторону».

В этот раз Танг Тридцать Шесть - с его телом, покрытым грязью, вонью, давившей на нос, и его потрепанной одеждой - действительно не казался нищим, а его манера была подобна принцу.

Потому что он никогда не был нищим, а скорее был самым богатым принцем мира.

Его состояние было выше, чем у Принцессы Пин, Лоло и Нанькэ - этих настоящих принцесс - вместе взятых.

Так что, когда он сказал эти слова, он был властным до невообразимой степени.

Было ли возможно быть невообразимо властным? Да, потому что это было не необузданное чувство, а чувство уверенности.

Уверенность, которую было невозможно воспитать без тысячи лет секретов.

Чжоу Цзыхэн сузил глаза и уставился на Танга Тридцать Шесть, а его убийственное намерение постепенно росло.

Но, в конечном итоге он не атаковал.

Потому что Чэнь Чаншэн смотрел на него.

Многие священники Дворца Ли тоже смотрели на него.

То, что сделало его наиболее настороженным и недоуменным, это то, что среди имперской стражи, которая должна стоять на его стороне, вдруг поднялось нескрытое и неистовое намерение убийства!

Он очень хорошо знал, что если действительно нападет, это убийственное намерение разорвет его на куски в следующий миг.

По какой-то причине, которая не была ему ясна, его руки начали дрожать.

Танг Тридцать Шесть вновь прошел мимо него, его левая рука держала миску соевого молока, а правая - ютяо, даже не взглянув на Чжоу Цзыхэна.

Дождь медленно падал, приземляясь на бумажный зонтик, а затем беззвучно стекая.

Из глубин Аллеи Сотни Цветений раздавались насмешки и оскорбления Тяньхай Я'эра.

Когда он услышал эти грязные ругательства, лицо Танга Тридцать Шесть стало весьма неприглядным.

Подойдя к воротам Ортодоксальной Академии, он лишь увидел Тяньхай Я'эра, сидящего на своей коляске, постоянно проклиная врата.

«Чэнь Чаншэн, ты...»

«Если у тебя есть способности, приди и ударь меня!»

Танг Тридцать Шесть подошел к спине Тяньхай Я'эра и не останавливал его. Вместо этого он очень внимательно наклонил голову и слушал.

Многие священники и стражи, а также простые люди столицы, которые поспешили сюда, услышав новости, все таращились на эту сцену.

Дождь падал на Аллею Сотни Цветений, как туман.

Чэнь Чаншэн спросил: «Что ты делаешь?»

Танг Тридцать Шесть ответил: «Предаюсь воспоминаниям о жизни».

Тяньхай Я'эр услышал его голос и повернул голову, выражение его лица немного изменилось.

Чэнь Чаншэн все еще не понимал и спросил: «Какой жизни?»

«Я очень серьезно предаюсь воспоминаниям о моей жизни, - Танг Тридцать Шесть эмоционально вздохнул, - ...ублюдок, я никогда ранее не слышал таких скромных требований».